

Содержание

Введение · 9

Глава 1. Адресат послания · 25

Глава 2. Политическая онтология
морали · 58

Глава 3. Утопический реализм · 92

Глава 4. Два вида утопии:
их особенности и различия · 142

Заключение · 215

Карта мира, на которой нет утопии,
не заслуживает даже мельком брошенно-
го взгляда, ведь на ней нет одной страны,
к которой всегда причаливает
человечество.

Оскар Уайльд. *Душа человека при
социализме*

...Это и будет правильный путь в рай: из-
учить дорогу в ад, дабы избегать ее.

Никколо Макиавелли. Письмо Фран-
ческо Гвиччардини, 17 мая 1521 г.
(пер. М. А. Юсима)

Кто бы ни написал имя Макиавелли
на чистом листе бумаги, не может избе-
жать ощущения трепета. Вслед
за бесчисленными другими, писателями
и властителями, историками и философа-
ми, политическими аналитиками
и стратегами, моралистами и теологами,
он также осмеливается вопрошать сфинк-
са... и автора, чья прозрачная и в то же
время совершенно двусмысленная речь
маскирует его намерения и чья черед
вдохновенных прозрений в течение четы-
рех веков противится искусности
и изобретательности комментаторов.

Раймон Арон. *Макиавелли и Маркс*

Введение

ДАННАЯ книжка — попытка вытянуть одну ниточку из тугого клубка тем, наблюдений, прозрений, парадоксов или даже противоречий, иронических замечаний, исторических экскурсов, страстной риторики и многого другого, что образует интеллектуальное наследие Макиавелли, — ниточку утопизма. Однако само ее обнаружение в этом клубке кажется, по крайней мере, проблематичным. Разве не известно, что Макиавелли — жесткий реалист? Более того, он давно причислен к сонму «канонических» классиков политического реализма, наряду с Фукидидом, Августином Блаженным, Гоббсом, Юмом, Ницше, Максом Вебером...¹ Наконец, разве не пишет он сам

-
1. См.: Sleat Matt, *Liberal Realism: A Realist Theory of Liberal Politics*. Manchester: Manchester University Press, 2013, p. 2; Alison McQueen, «Political Realism and the Realist „Tradition“», in *Critical Review of International Social and Political Philosophy*, 2017, Vol. 20, No. 3, pp. 1, 4 и др.

со всей определенностью, что ему представляется «более верным искать настоящей, а не воображаемой правды вещей. Многие измыслили республики и княжества, никогда не виданные и о которых на деле ничего не было известно. Но так велико расстояние от того, как протекает жизнь в действительности, до того, как должно жить, что человек, забывающий, что делается ради того, что должно делать, скорее готовит свою гибель, чем спасенье»²? Реализм и утопизм не только «здравому смыслу», но и многим исследователям, в том числе — наследия Макиавелли, видятся антиподами. Между ними, пишет Э. Харрис Харбинсон, царит «извечное напряжение [как] между двумя полярно противоположными подходами к этим (политическим, социальным, экономическим. — Б. К.) проблемам — подходом «реалиста» и подходом «моралиста»»³. Следуя таким путем, можно

-
2. Никколо Макиавелли, «Государь», в: Никколо Макиавелли, *Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве*. Москва: Мысль, 1996, с. 78.
 3. E. Harris Harbinson, «Machiavelli's „The Prince“ and More's „Utopia“», in William Henry Werkmeister (ed.), *Facets of the Renaissance*. New York: Harper & Row, 1963, p. 42. Обратим внимание на то, что у Харбинсона (как и у многих других авторов)

прийти к уже совсем радикальному выводу о том, что «Макиавелли в своих произведениях впервые (*sic!*) в истории европейской политической мысли совершил переход от утопизма к реализму»⁴.

Разумеется, данная книга — не первая попытка обнаружить и описать утопическую составляющую политической мысли Макиавелли. Этим занимались теоретики калибра Антонио Грамши, Луи Альтюссера, Фредрика Джеймисона, Ганса Моргентау...⁵ Продолжается разработка этой темы и современными авторами — при всех различиях между ними, как, впрочем, и между упомянутыми выше «классиками», в пони-

утопизм, по сути, отождествляется с морализмом. К рассмотрению проблематичности такого отождествления мы вернемся ниже.

4. С. Е. Любимов. «„Государь“ в современных интерпретациях: проблемы и перспективы исследований», *Философские науки*, 2014, № 6, с. 132.
5. См.: Антонио Грамши, «Никколо Макиавелли» (пер. Р. И. Хлодовского), в: Антонио Грамши, Антонио Грамши. *Искусство и политика*. Т. 1. Москва: Искусство, 1991; Louis Althusser, *Machiavelli and Us*. Tr. Gregory Elliott. London: Verso, 2000; Fredric Jameson, «Morus: The Generic Window», in Fredric Jameson, *Archeologies of the Future. The Desire Called Utopia and Other Essays*. London: Verso, 2006; Hans J. Morgenthau, «The Machiavellian Utopia», *Ethics*, 1945, Vol. 55, No. 2.

мании и реализма, и утопизма, и того, *как* они предстают в трудах Макиавелли⁶. Однако при всей значимости полученных этими исследователями результатов, которыми мы, несомненно, отдадим должное, остаются не вполне понятными природа того, *что* получается благодаря скрещению реализма и утопизма, а также то, каким именно образом Макиавелли производит такое скрещение. Остается недоумение, которое ярко выразил Л. М. Баткин применительно к «загадочной» 26-й главе «Государя», не случайно оказывающейся в центре почти всех дискуссий об утопизме Макиавелли: «Несколько поколений исследователей стараются взять в толк, как мог этот беспощадно трезвый аналитик уверять, что итальянцы... все готовы объединиться вокруг „нового го-

-
6. Vittorio Morfino, «„The Prince“ between Gramsci and Althusser», in *Machiavelli Then and Now: History, Politics, Literature*. Ed. Sukanta Chaudhuri et al. Cambridge: Cambridge University Press, 2022; Christopher Holman, «Machiavelli's Two Utopias», *Utopian Studies*, 2018, Vol. 29, No. 1; John F. Tinkler, «Praise and Advice: Rhetorical Approaches in More's „Utopia“ and Machiavelli's „The Prince“», *The Sixteenth Century Journal*, 1988, Vol. 19, No. 2; Maurizio Viroli, «The Redeeming Prince», in Timothy Fuller (ed.), *Machiavelli's Legacy: „The Prince“ After Five Hundred Years*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2016.

сударя“, лишь бы он поднял знамя. Как мог этот автор, холодно говорящий дело, пренебрегая всякими там сантиментами и красотами, прибегнуть к пламенной риторике? ...Политические иллюзии, неосуществимые прожекты — у *Макьявелли*?!»⁷.

В самом деле, если «Воззвание об овладении Италией и освобождении ее из рук варваров» (26-я глава «Государя») — «прожект», то это, бесспорно, провальный «прожект». Примечательно, конечно, то, что никто не понимал его провальность отчетливее и проницательнее самого Макиавелли (как реалиста). Накануне начала войны Коньякской лиги (в которой, кстати, «объединились» всего четыре итальянских государства, а главной военной силой выступала Франция), он в отчаянии пишет Гвиччардини: «Короче, мой вывод таков, что здешняя банда (речь о властях Флоренции. — *Б. К.*) никогда не совершит что-либо достойное и смелое, ради чего стоит жить или умереть. Я видел столько страха в гражданах Флоренции и нежелания сопротивляться кому-либо, кто готовится растерзать нас, и у этого вывода нет исключе-

7. Л. М. Баткин, «Макьявелли», в: Л. М. Баткин, *Итальянское Возрождение. Проблемы и люди*. Москва: РГГУ, 1995, с. 351.

ний»⁸. То есть ни малейших иллюзий насчет готовности Италии объединиться, как и ее политической и военной дееспособности, у Макиавелли нет. Не было их и в период написания «Государя»⁹.

Не вправе ли мы предположить на основе вышесказанного, сохраняя веру в жесткий реализм Макиавелли, что в «Воззвании» нет ни «иллюзий», ни «прожектов»? Что все содержащиеся в нем утверждения о готовности Италии «стать под чье-нибудь знамя, лишь бы нашелся человек, который его поднимет», о том, что никогда

8. «Letter 301. Niccoló Machiavelli to Francesco Guicciardini. 19 December 1525», in *Machiavelli and His Friends: Their Personal Correspondence*. Ed. James B. Atkinson et al. De Kalb (IL): Northern Illinois University Press, 1996, p. 372.

9. В том же 1513 году Макиавелли пишет Веттори: «...У итальянцев слишком много вождей и они разъединены, и не видно, кто мог бы их возглавить и объединить». Я «начну теперь же оплакивать вместе с Вами нашу гибель и рабство, которые наступят, может быть, не сегодня и не завтра, но, во всяком случае, в наши дни...» (Никколо Макьявелли, «Письмо Франческо Веттори от 26 августа 1513 года» (пер. М. А. Юсима), в: Никколо Макьявелли, *Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма*. Москва: АСТ, 2004, с. 700, 701). «Гибель» наступила чуть более десятилетия спустя.

и никому «обстоятельства так не помогали, как сейчас нам», что в деле освобождения и объединения «не может быть больших трудностей», коль скоро в Италии «нет недостатка в (человеческом. — Б. К.) материале, которому можно придать любую форму», и т. д. и т. п.¹⁰, есть нечто совсем иное, чем «иллюзии» и «прожекты». Если так, то что же они такое?

Я назову такие продукты мысли *перформативными утопиями*. Они — собственные порождения того же жесткого реализма в момент перехода его как теории в практическое политическое действие. Они есть, так сказать, механизмы такого перехода. Понятно, что в одних ситуациях такие механизмы «срабатывают», а в других — нет. Они не «сработали», к примеру, в Италии периода Чинквеченто, но «сработали», скажем, в период Американской революции или — в иной инкарнации — в Рисорджименто. Рассмотрение перформативных утопий — центральная задача этой книги.

Но если перформативные утопии есть плоть от плоти (определенного типа) реализма, то нам придется уточнить и это понятие. Мы уже знаем от Макиавелли, что реализм имеет дело только с «настоящей

10. См.: Макиавелли, «Государь», с. 106–107.

правдой вещей», а не с «воображаемой правдой». Последняя и есть «иллюзии» или выдавание желаемого за действительное, когда первое и не предназначено для перехода в практику, не представляет даже потенциальных способов своей материализации и не интересуется ими. В этом смысле «воображаемая правда» действительно — противоположность перформативной утопии. Но что понимать под «настоящей правдой вещей»? Это — то, *что* только «есть» как наличное здесь и сейчас, *что* видится «невооруженному глазу» любого наблюдателя? Это, так сказать, «факты» — в их простом позитивистском понимании? Или это «есть» нужно брать вместе со становлением, с потенциями и тенденциями изменения, которые далеко не всегда «видимы» в наличном на «поверхности» действительности, но которые тоже «бытийствуют». А если становление, потенции и тенденции, — тоже часть реальности, причем очень важная ее часть, то не следует ли далее сказать, что действия людей и то, *что* их мотивирует, направляет, делает «понятными» и потому увязываемыми с действиями других людей, т. е. представления, устремления, картина мира с присущими ей разграничениями возможного и невозможного, мыслимого и немислимого, же-

ланного и нежеланного, должного и недолжного и т.д., — также есть составляющие реальности? И не является ли реализм, знающий только «факты» и упускающий их динамику и то, *что* ее обуславливает, воистину *иллюзорным*? И, напротив, не реалистичен ли только такой реализм, который способен видеть и признавать и то, чего (еще) нет на «поверхности» общественного бытия¹¹, но к чему «идет дело» или, точнее, то, *что может быть*? И уж коли нечто только *может* быть, то такому реализму должно быть ясно, что это произойдет, если произойдет, не в соответствии с некими (воображаемыми) «законами», провиденциальными, экономическими или «развития человеческого разума», а в силу меняющихся обстоятельств, *ситуативно*, в логике перестраивающихся соотношений и конфигураций общественных сил.

Я считаю, что макиавеллиевский реализм — реализм этого второго типа. Обоснование такого суждения — другая важная задача данной книги. Реализм этого типа

11. Я беру это понятие в том смысле, какой ему придает Дьердь Лукач. См.: Дьердь Лукач. *К онтологии общественного бытия. Прологомены* (пер. И. Н. Буровой и др.). Москва: Прогресс, 1991, глава 1 «Сущность общественного бытия».

я называю «утопическим реализмом»¹². У данного термина есть две основные коннотации. Первая и более общая дает понять, что речь идет о реализме, который способен «видеть» то, чему еще нет места (*ou-topos*) на поверхности политической действительности, но видеть это не в качестве «скрытой сущности» (такой реализм строго антиэссенциален), а как нереализованную в настоящем возможность. Вторая коннотация акцентирует способность данного вида реализма «вобрать» в себя утопию в специальном значении этого понятия, а именно — перформативную утопию, и показать то, *как* она «работает» в реальной политике в качестве одного из мотивов и ориентиров действий людей.

Однако рассмотреть характер макиавеллиевского реализма невозможно, не затрагивая другую тему — его понимание мора-

12. Термин «утопический реализм» уже довольно прочно утвердился в обиходе общественных наук. См.: Anthony Giddens, «Modernity and Utopia», in Anthony Giddens, *Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1990, p. 154 ff.; Ken Booth, «Security in Anarchy: Utopian Realism in Theory and Practice», *International Affairs*, 1991, Vol. 67, No. 3, p. 527–545. Более обстоятельно этот термин будет рассмотрен в третьей главе данной книги.

ли и ее отношения к политике. Чрезвычайно распространенное представление об этом отношении состоит в том, что реализм Макиавелли *как таковой* и образован путем разведения политики и морали. Как емко и точно выразили данное представление Карл Маркс и Фридрих Энгельс, у Макиавелли (а также у Гоббса, Бодена и др.) «теоретическое рассмотрение политики освобождено от морали, и, по сути дела, был выдвинут... постулат самостоятельной трактовки политики»¹³. Реализм, как считается, и заключается в «освобождении» политики от морали, вследствие чего первая предстает в качестве «самостоятельного» явления. Вместе с этим происходит и «освобождение» политического мышления от утопизма, который ведь, как полагают, и заключается в ожидании и требовании *подчинения* политики моральным принципам и правилам¹⁴.

13. Карл Маркс и Фридрих Энгельс, «Немецкая идеология», в: Карл Маркс и Фридрих Энгельс, *Сочинения*. Т. 3. Москва: Госполитиздат, 1955, с. 314.

14. Как, к примеру, у Канта, у которого «истинная политика не может сделать шага, не присягнув заранее морали <...>, так как мораль разрубает узел, который политика не в силах распутать до тех пор, пока они спорят друг с другом».

Я категорически не согласен с такой трактовкой макиавеллиевского понимания связи морали и политики. И дело не только в том, что сочинения Макиавелли *переполнены* моральными суждениями и оценками¹⁵. Важнее то, что эти суждения, как и основополагающее для его реализма требование исходить из «настоящей правды вещей», продиктованы озабоченностью о *нравственном* состоянии современного ему мира, о том, что он предстает *миром порока* — в сравнении с античным миром добродетели, и этот контраст между ними представляется Макиавелли «яснее солнца»¹⁶. Вся политическая проблематика

Иммануил Кант, «К вечному миру», в: Иммануил Кант, *Собрание сочинений в 8 т.* Т. 7. Москва: Чоро, 1994, с. 49.

15. Бенедетто Кроче пишет: «Удивительно, почему ясно выраженной мысли и остро переживаемой боли морального сознания не достаточно тем, кто болтает об имморализме Макиавелли. Может, за мораль чернь принимает только размазывания елея и ханжеское лицемерие?» (Бенедетто Кроче, «Макиавелли и Вико» [пер. С. Мальцевой], в: Бенедетто Кроче, *Антология сочинений по философии. История, экономика, право, этика, поэзия*. Санкт-Петербург: Пневма, 1999, с. 128).
16. См.: Никколо Макиавелли, «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», в: Никколо Макиавелли, *Государь. Рассуждения о первой декаде Тита*

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru